

25 февраля 1984 г. № 24

6

ВСТРЕЧИ

Я вспоминаю вас в России

СЮЖЕТ моей причастности к Болгарии развивался своеобразно. С молодости у меня было особое чувство к Венгрии, Австрии, Чехословакии, ко всем вместе и к каждой в отдельности. Весной сорок пятого в составе 9-й Ударной армии прошел я там, двадцатилетний, теряя дорогих друзей, освобождая Европу. Болгария оставалась где-то южнее, я о ней как-то не думал.

А потом война кончилась, но молодость продолжалась. Была Москва, Литературный институт, общежитие на Тверском бульваре. И среди первых студентов из других стран оказались болгары. Блага Димитрова и Лиляна Стефанова, Димитр Методиев и Георгий Джагаров. Я учился тогда вместе с ними.

Прошло время. Во многих странах довелось побывать, а в Болгарию, хоть и звали не раз, поехать все не получалось. Когда в 1970 году вышла в Болгарии книга моих стихотворений, я в предисловии процити-

ровал Твардовского. Он, разумеется, написал по другому поводу, но очень уж годилось:

Я видел, может быть,
И вслед за веком жить
И между тем дороги этой
За столько лет не совершил,
Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть
до срока
Все собирался и не мог.

А, между прочим, к тому времени мы с Э. Колмановским уже написали песню «Алеша», из Пловдива нам официально сообщили, что эта песня стала музыкальной эмблемой, гимном города. Таким образом, я написал «Алешу», еще не побывав в Болгарии.

Вспоминаю, когда в Обществе советско-болгарской дружбы нас попросили сочинить песню, я сперва и решил, что она будет именно о дружбе, о моих болгарских однокашниках. Но неожиданно вступил в действие мотив еще более

дальней поры, моей армейской юности. Пловдивский Алеша был близок и дорог мне, как другие мои кровные друзья, мои сверстники.

Прибыв наконец первый раз в Софию, я с удивлением обнаружил, что новой песни моей не знают. «Я люблю тебя, жизнь» знают все, а «Алешу» никто. Однако мне было не до того. В этой уютнейшей из столиц меня встречали столь радушно, что ни о каких огорчениях не могло быть и речи.

Со мной буквально возлились Христо Радевский, Любомир Левчев, Банчо Банов, Ангел Тодоров, Божидар Божилов, Любен Георгиев, переводчик моей книги Росен Василев и его семья. А как мчались мы с Митей и Наташей Методиевыми на их «ситроене», как сидели за столиками софийских ресторанов, куда ходят по-семейному, с маленькими детьми.

Потом я поехал в Пловдив. И когда еще издали, километров за десять, увидел из машины знакомый силуэт на холме, я испытал глубокое волнение,

как будто встретил товарища юности, дорогого, любимого друга.

Еще в Софии Джагаров посоветовал мне посетить в Старом Пловдиве его приятеля, известного художника Златю Бояджиева. Мы — шофер, переводчица и я — провели несколько часов в его мастерской. Потом он потащил нас в галерею, где висели и его картины, познакомил с другими стариками. Уже прощаясь, я не выдержал и все же спросил у милой женщины-экскурсовода:

— Вы знаете песню «Алеша»?

Она посмотрела на меня с удивлением:

— Конечно.

Потом мы троим положили гвоздики у подножия.

Вечером того же долгого майского дня, когда мы добрались до Софии, шофер, милый парень, — к сожалению, я забыл его имя — сказал мне:

— Понравилось? Может быть, напишете что-нибудь о Пловдиве?..

Через год песню «Алеша» знала вся Болгария.

И еще воспоминание. Наша делегация прибывает поздно вечером. Над Софией неожиданный снегопад, в рыхлом снегу площади, улицы, крыши. Беглые телефонные очереди по домам друзей, ночь под шумы убираемого снега. И опять встречи; как всегда бывает, ожидание кого-то и долгая, не то, что когда-то в мае, дорога в Пловдив. Мы прибываем уже в темноте. Прием в горкоме, большой художественный вечер, ужин в Старом городе.

Наконец мы попадаем в отель, я поднимаюсь в номер и, как всегда, перво-наперво подхожу к окну. Там тьма, ночь, сеется дождик, а справа в вышине какое-то смутное сияние, дрожание подсвета. И я про себя знаю, догадываюсь, что это.

Утром я, тоже как всегда на новом месте, просыпаюсь очень рано, встаю и отдергиваю штору. За окном все еще дождь, блестят мостовые и

зонтики. Речка Марица хмурая, серая, и над нею по узкому старому мосту спешат люди. Рабочий день здесь и вправду начинается чуть свет. А справа, на холме, там, где вчера таинственно мерцал ночной огонь, стоит на фоне утра столь привычная городу фигура солдата. И неожиданно я испытываю острейшую причастность к нему, и к Пловдиву, и к этим людям.

А стихи «Мои болгарские друзья» я написал чуть позже. Их положил на музыку Ян Френкель, и теперь эта песенка частенько звучит над Болгарией.

Мои болгарские друзья,
Я счастлив каждой нашей встрече.
Душою к вам привязан я
Вблизи от вас или далеке.
В сиянье солнечного дня
Или когда режут стихи,
Вы вспоминаете ль меня!..
Я вспоминаю вас в России.

Константин
ВАНШЕНКИН.